

ЛИЛИ
БЭНГ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДРУГ ТЦА
СМИРИСЬ, МЕЛКАЯ

Лили БЭНГ

Друг отца. Смирись мелкая

«Автор»

2026

Бэнг Л.

Друг отца. Смирись мелкая / Л. Бэнг — «Автор», 2026

– Куда торопишься? – Мужская рука перехватывает меня поперек живота и тянет обратно на смятые простыни. Я замуриваюсь. От обрывков вчерашних воспоминаний горят щеки. Он нависает сверху, блокируя путь к отступлению. Щурится от утреннего света, а потом резко застывает. – Кристина? – Голос садится, звучит жестче. – Это что за шутки? Он не спешит отстраняться. Скользит тяжелым взглядом по моему лицу и растрепанным волосам. А я просто молчу. У меня нет ни одного внятного оправдания, чтобы объяснить лучшему другу своего отца, как я оказалась в его постели. Одно глупое пари на отцовской свадьбе. Одна ошибка и темнота, в которой он меня не узнал. Теперь наступило утро, и нам обоим придется разбираться с последствиями.

© Бэнг Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Лили Бэнг

Друг отца. Смирись мелкая

Глава 1

Шум свадьбы отступил вглубь сада, оставив на террасе лишь следы праздника: пустые бокалы, смятые салфетки и гирлянды, мерцающие в ночном воздухе. В огромной гостиной особняка, снятого отцом на все три дня торжеств, пахло дорогими сигарами, духами и алкоголем.

К двенадцати ночи основная толпа гостей рассосалась. Кто-то уполз в комнаты, кто-то ещё гулял в саду под задумчивые аккорды акустической гитары. А мы четвером – я, Зоя, Наташа и Мишель – устроили свой маленький женский совет в полумраке гостиной, утонув в бархатном диване размером с мою студию. В ногах у нас шипело и пенилось в ведёрке наша четвёртая, кажется, бутылка шампанского.

– Я не могу поверить, что он на ней женился, – выдохнула я, отставляя бокал. Игривость напитка не могла прогнать горечь. – Ей двадцать пять, девочки! Пять лет разницы со мной! Это же капец. Неужели не мог хоть немного постарше, ну хотя бы чтобы ей лет тридцать пять было.

Зоя, всегда готовая поддержать, обняла меня за плечи.

– Ну, Крис, папаша твой ещё тот жеребец. Гордись что он справляется с молодой девушкой в свои... сколько ему? Сорок восемь?

– Сорок пять, – мрачно уточнила я. – И она смотрит на него так, будто он бог. А он ведётся. Это же так наигранно!

Наташа, наша главная реалистка, фыркнула:

– Да брось, Кристин. Твой отец – взрослый мужик, сам всё решил. Зато смотри, какие у него друзья охренительные. Я на Василя всё вечер пялилась. Ну мужик же настоящий богатырь! Гора-мужик!

Тема переключилась мгновенно. Шампанское делало своё дело, развязывая языки и снимая все табу.

– О, да! – оживилась Зоя. – А тот, кавказец... Рэм, кажется? У него взгляд такой... волчий. И костюм сидит на нём так, что...у меня нет слов. Плечи охереть какие широкие, а попа ммм.

Мишель, наша скептическая осторожная подруга, скривила нос:

– Ну, качки они и есть качки. Все эти мышцы... Мне не очень. Слишком мускульно, пахнет тестостероном за километр.

Все взгляды автоматически переметнулись на неё.

– А тебе что задохлики привлекают? – хохотнула Зоя. Мишель смутилась.

Я сделала глоток шампанского, чувствуя, как по коже бегут мурашки.

– А мне Давид нравится, – произнесла я тихо, и голос прозвучал хриплее, чем я ожидала. Зоя подняла бровь:

– Давид? Тот самый мрачный и молчаливый? Друг твоего отца с института?

– Нет. С института это Рэм, а с Давидом они служили вместе. И он не мрачный, – защитила я его, сама не зная почему. – Он... Собранный. От него прёт такой силой и опасностью. Он не пытается никому понравиться, не раздаёт комплименты направо и налево. Он просто смотрит. И кажется, что видит всё.

Наташа захихикала:

– Ну, выбор у нас специфический: гора Василь, волк Рэм и пантера Давид. – Она понизила голос до шёпота, – А вот интересно у кого из них «хозяйство» больше?

Мы дружно прыснули. Шампанское ударило в голову. Три пары глаз заблестели азартом.

– Конечно, у Василя! – уверенно заявила Наташа. – Размер имеет значение! Он же огромный!

– Полная ерунда! – фыркнула я, внезапно ощущая прилив смелой уверенности. – У таких здоровяков часто всё скромно. А вот у тех, кто собран, молчалив и уверен в себе без лишних показух... – я сделала драматическую паузу, – там явно не пятнадцать сантиметров. Судя по тому, как он двигается, как сидит... У Давида. Сто процентов.

Зоя заинтересованно наклонилась ко мне:

– Ты так уверена как будто видела у него.

– Интуиция, – парировала я. – Женская интуиция никогда не обманывает.

– Да ну, бред! – засмеялась Наташа. – У Василя больше!

– Рэм! – тут же вставила Зоя. – У кавказцев с этим всегда всё в порядке!

Мишель покатила глаза:

– Вы совсем охренели. Сейчас пойдёте на ощупь проверять?

И тут меня понесло. Шампанское, ненависть к мачехе, притягательный образ Давида – всё смешалось в один коктейль безумия.

– А что, слабо? – выпалила я, глядя на них вызовом. – Слабо не гадать, а узнать наверняка?

В гостиной повисла тишина, нарушаемая лишь сдержанным смехом.

– То есть? – не поняла Зоя.

– Ваша теория против моей, – сказала я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

– И мы это проверим. На практике.

– Каким образом? – сузила глаза Наташа, но в них уже читался азарт.

– Очень просто. Вы должны добыть фотографию. Того, кого выбрали. Зоя – Рэма. Наташа – Василя. А я... – я сглотнула комочек нервного возбуждения, – я докажу вам, что права насчёт Давида. Принесу вам его... фото.

Мишель аж поперхнулась шампанским.

– Вы совсем еб... нутые! Он же друг твоего отца! Он его братом называет! Как ты это сделаешь?

– Не знаю, – честно призналась я, и от этой честности стало ещё страшнее и... щеко-
чуще-приятнее. – Может, камеру в комнате поставлю. Или подкараулю. Срок – до конца сва-
дьбы. Праздновать будут три дня. Или вы признаете, что я права, и моя интуиция – железная?

Мой вызов висел в воздухе, густой и пьяный. Зоя и Наташа переглянулись. Азарт борьбы, подогретый алкоголем, затмил здравый смысл.

– Я – за! – первой сдалась Зоя. – У Рэма будет самый впечатляющий! Идёт?

– Идёт! – тут же согласилась Наташа. – Василь мой!

– Вы идиотки, – констатировала Мишель, но беззлобно. – Я буду вашим анонимным
обществом поддержки и свидетелем вашего провала и позора. Когда вы пойдёте на это безу-
мие?

– Сейчас, – поднялась я, чувствуя, как подкашиваются ноги. Голова кружилась от шам-
панского и от масштаба затеи. – Пока все пьяные и разбрелись. Ищем своих мужчин.

Мы поднялись с дивана, пошатываясь. Зоя и Наташа, хихикая, поплелись в сторону сада,
где, по их догадкам, могли быть их цели.

Я же осталась стоять посреди огромной, полутёмной гостиной. Веселье и азарт мгновенно
улетучились, сменившись леденящим ужасом. Что я наделала? Как я подойду к Давиду? Как
я посмотрю в глаза его другу, своему отцу? Мысль о том, чтобы пробраться в его комнату,
заставляла внутренне содрогаться от страха и... какого-то щемящего, запретного любопытства.

Сделать глубокий вдох было нечем. Воздух казался густым и сладким. Я потянулась
за своим бокалом, допила остатки шампанского, чувствуя, как холодная жидкость обжигает
горло.

Игра началась. И ставка в ней была слишком высока.

Глава 2

Сердце колотилось где-то в горле, бешено и громко. Казалось, его стук разносится по всему спящему особняку. Я обошла весь сад – Давида нигде не было. Рэм и Василь курили у беседки, мокрые после купания в бассейне, но Давида с ними не было.

Отчаяние начало подступать, холодное и липкое.

Что, если он уже уехал? Что, если я проиграла, даже не начав?

И тут я увидела отца. Он вышел из главного дома, поправляя галстук, с сияющей улыбкой. Рядом, как тень, вилась его юная жена Марина.

– Пап, – голос мой дрогнул, и я сделала вид, что поправляю каблук, чтобы скрыть смущение. – Ты не видел Давида?

Отец обнял меня за плечи, пахну дорогим коньяком и сигарами.

– Кисонька, а тебе зачем? Он уже отдыхает. Свалился, бедняга, еле ноги волочил. Завтра у него в семь утра вылет в Майами, срочная сделка. Так что не мешай дяде Давиду высыпаться.

В семь утра. Уезжает. Значит, у меня есть только эта ночь. Одна-единственная ночь, чтобы доказать свою правоту и... и удовлетворить это червящееся, стыдное любопытство.

– Я... я просто хотела попрощаться, – солгала я, чувствуя, как горят щеки.

– Успеешь за завтраком, – махнул рукой отец и потащил свою молодую жену танцевать под гитару.

Мой шанс таял на глазах. Адреналин ударил в голову, сметая последние остатки страха. Я должна сейчас.

Я сделала круг по дому, стараясь выглядеть непринужденно, и буквально столкнулась с горничной, которая несла в руках связку ключей и табличку «Не беспокоить».

– Простите, – залепетала я. – А вы не подскажете, куда отнести полотенца для гостей из флигеля? Кажется, я перепутала номера.

Девушка, уставшая за день, без лишних подозрений ткнула пальцем в самый конец коридора.

– Вон там, крайняя справа на втором этаже. Комната «Магнолия». Только тише, там гость уже спит, очень просил не беспокоить.

«Магнолия». Крайняя справа.

Ноги стали ватными. Я поблагодарила ее и пошла в противоположную сторону, делая вид, что ищу полотенца. Когда горничная скрылась за углом, я замерла, прислонившись лбом к прохладной стене.

Это безумие. Совершенное, беспросветное безумие. Но отступить было поздно. Я представила себе насмешливые лица подруг, особенно Мишель. Нет. Я не дам им повода усомниться в моей интуиции. И в моей смелости.

Я поднялась по лестнице на второй этаж, как преступник, крадущийся к месту преступления. В доме было тихо, слышался только приглушенный смех из сада и мое собственное предательское дыхание.

Дверь в «Магнолию» была массивной, из темного дерева. Я приложила к ней ладонь – холодную и потную. Не заперта. Сердце упало куда-то в пятки, а потом выпрыгнуло обратно в горло.

Он здесь. За этой дверью. Спит. Один.

Я оглянулась. В коридоре было пусто и тихо. Прислушалась – из-за двери не доносилось ни звука.

Медленно, стараясь не скрипеть паркетом, я нажала на ручку. Дверь бесшумно поддавалась.

В комнате царил полумрак, нарушаемый лишь слабым светом луны из окна. Пахло дорогим одеколоном, кожей и... им. Терпким, мужским запахом, который я уловила еще днем, когда он проходил мимо.

И тогда я увидела его.

Он спал навзничь, сбросив на пол белую простыню. Его мощное тело, освещенное лунным светом, казалось высеченным из мрамора – широкие плечи, рельефный пресс, сильные руки, закинута за голову. Лицо без напряжения казалось моложе, но не менее суровым.

А потом мой взгляд упал ниже. И дыхание перехватило.

Даже в полусне, даже в расслабленном состоянии он был... огромен. Моя интуиция не подвела. Подруги с их Василями и Рэмами и представить себе не могли такого масштаба.

Я стояла на пороге, загипнотизированная этим зрелищем, парализованная страхом и каким-то диким, первобытным влечением. Телефон в моей руке казался раскаленным железом.

Нужно было делать фото. Быстро и бесшумно. Но я не могла пошевелиться.

И в этот миг он пошевелился во сне, тихо простонал что-то неразборчивое и... повернулся на бок, спиной ко мне.

План рушился на глазах. Теперь его «хозяйство» было скрыто от меня.

Сердце колотилось так громко, что, казалось, он проснется от этого стука. Фотографировать нечего. Идея с камерой сейчас казалась идиотской.

Но отступать было поздно. Я уже здесь. Я уже переступила порог.

Сделала шаг. Паркет под ногой издал тихий скрип. Я замерла, вжимаясь в тень. Он не проснулся. Его дыхание оставалось ровным и глубоким.

Еще шаг. Теперь я стояла у самой кровати. От него пахло тепло сном, дорогим виски и чем-то неуловимо мужским, от чего кружилась голова. Рука сама потянулась к телефону. Кадр. Мне нужен был всего один кадр.

Я прицелилась, пытаюсь поймать ракурс. Но он лежал ко мне спиной. Нужно было обойти кровать. Сделать еще три шага.

И я их сделала. Затаив дыхание, я переместилась на другую сторону. Теперь он лежал лицом ко мне. Густые брови, темные ресницы, отбрасывающие тени на скулы, упрямый подбородок, покрытый щетиной. Он спал с какой-то животной, хищной расслабленностью.

И мой взгляд снова, против воли, уперся в него. Туда, где между мощных бедер сквозь ткань боксеров угадывался внушительный, пугающий и манящий рельеф. Даже во сне он был... впечатляющим. Моя теория получала стопроцентное, зримое подтверждение. Рука с телефоном дрогнула.

Я подняла аппарат, поймала в объектив эту интимную, спящую мощь. Палец потянулся к кнопке...

И тут до меня донесся звук шагов из коридора. Горничная? Кто-то из гостей?

Паника, острая и холодная, сжала горло.

Я отпрыгнула в тень, прижавшись к стене, замирая от ужаса.

Глава 3

Десять минут. Целых десять минут я простояла, вжавшись в стену, как мышь, заслышавшая кошачьи шаги. Шаги в коридоре давно затихли, но страх парализовал меня. Я почти протрезвела от адреналина, и теперь весь ужас моего положения предстал передо мной во всей своей неприкрытой, идиотской красе.

Что я делаю? Я стою в комнате спящего мужчины, друга моего отца, с совершенно сумасшедшим и постыдным намерением. Мысль отступить, выскользнуть за дверь и забыть это пари, как страшный сон, была такой соблазнительной...

Но я не отступаю. Никогда.

Перед глазами вдруг всплыло детство. Двор. Мальчишки, которые смотрят на меня с вызовом: «Слабо на ту ранетку залезть?». Высокое дерево с абсолютно гладким, прямым стволом. Я ползла вверх, сдирая в кровь колени и ладони, плача от боли и злости. Но залезла. И слезла сама. И с тех пор во дворе меня все уважали.

Я такая же упрямая, как мой отец. Он ведь один воспитывал меня с восьми лет, после смерти мамы. И его главным уроком всегда было: «Кристина, не сдавайся. Поставила цель – иди до конца, чего бы это ни стоило».

Вот он, твой конец, папа. Твой лучший друг и твоя дочь в одной комнате посреди ночи. Господи, какая же я идиотка!

Я сделала глубокий, беззвучный вдох и задержала дыхание. Страх никуда не делся, он сжимал горло ледяным комом. Но теперь им управляла не паника, а та самая железная воля, которую во мне воспитали.

Я медленно, как во сне, подошла к кровати. Давид лежал на спине, его могучее тело было расслаблено во сне. Руки сами потянулись к резинке его боксеров. Пальцы дрожали. Одной рукой было неудобно, почти невозможно стянуть их.

Не думая, на чистом автомате, я положила телефон на край кровати. Теперь двумя руками. Ткань поддалась легче, чем я ожидала. И тогда я увидела его мужское достоинство. Во всей его... спящей мощи.

И замерла.

Потому что на моих глазах он начал меняться. Медленно, будто от моего прикосновения, будто от моего взгляда, он стал оживать, наполняясь кровью, увеличиваясь в размерах прямо передо мной, становясь ещё больше, ещё твёрже, ещё пугающе реальнее. Это было одновременно и страшно и завораживающе.

Я потянулась за телефоном. Мне нужно было запечатлеть это доказательство. Мою победу.

И в этот миг стальной обруч мужских рук обхватил мою талию.

Я вскрикнула от неожиданности, но звук застрял в горле. Давид двигался с молниеносной, хищной скоростью. Одним движением он сел на кровати, притянув меня к себе. Его глаза были открыты, взгляд был острым. От него пахло алкоголем.

– Сделаешь мне приятно? – спросил он низким, хриплым от сна голосом, который прорезал тишину комнаты, как нож.

Мир сузился до точки. До его взгляда. Мозг отказывался соображать.

– Как? – выдавила я, и свой собственный голос показался мне едва слышным шёпотом.

Он не ответил. Его руки, сильные и властные, легко развернули меня, как куклу, и опустили на колени перед кроватью. Паркет больно впился в колени.

Он посмотрел на меня сверху вниз. Его взгляд был тяжёлым, не позволяющим возразить или ослушаться.

– Открой рот, малышка, – скомандовал он тихо, но так, что по моей спине пробежала дрожь.

Его пальцы сжали мои челюсти, заставляя раскрыть рот шире. Я видела только его взгляд – тяжёлый, тёмный, полный животной власти. И огромный, полностью возбуждённый член, упёршийся мне в губы.

– Шире, – его голос прозвучал как скрежет камня. – Расслабь челюсть.

Я попыталась дышать через нос, чувствуя, как солоноватый вкус его кожи смешивается со вкусом страха у меня во рту. Он двинул бёдрами вперёд, и я почувствовала, как головка его члена скользит по моему языку, заполняя собой всё пространство.

Я закашлялась с не привычки. Как делать минет я знала только в теории. Подняла на Давида взгляд. Но его рука на моей шее не позволила отстраниться.

– Медленнее, – он придержал меня. – Осторожнее с зубами. Чувствуешь?

Я кивнула, не в силах издать звук. Мои губы обхватили его твёрдую плоть, язык скользнул вдоль напряжённого ствола, исследуя каждую прожилку, каждую пульсирующую вену. Он был огромным, и мне приходилось сильно напрягать челюсти, чтобы принимать его всё глубже. Щеки горели огнём от напряжения, но я продолжала ритмично двигать головой, получая даже от этого странное удовольствие. Особенно когда слышала как Давид иногда стонет.

– Да... вот так... – он отпустил мою шею, позволив мне самой найти ритм.

Я опускалась ниже, чувствуя, как он упирается в нёбо. Слёзы выступили на глазах, но я не останавливалась. Одной рукой уперлась в его бедро, другая обхватила основание его члена, пытаясь контролировать его проникновение.

Он положил ладонь мне на затылок, не давя, просто направляя.

– Хорошая девочка, – прошептал он хрипло, и от этих слов по моей спине пробежала новая волна стыдливого возбуждения. Между ног заныло, и стало тянуть.

Я двигалась быстрее, научившись дышать в короткие паузы, когда он позволял мне немного отстраниться. Мои губы горели, язык онемел, но я продолжала, пленённая властью, которую имела над этим сильным мужчиной.

Его пальцы вцепились в мои волосы, и он начал двигать бёдрами, задавая новый, более жёсткий ритм, пока не достиг пика.

– Глотай, – приказал он коротко, и я почувствовала, как его член пульсирует у меня во рту, заполняя рот горячей жидкостью.

Я закрыла глаза, полностью отдавшись этому моменту – унижительному, порочному и невероятно возбуждающему.

Глава 4

Я отползла на пятках, стараясь бесшумно отдышаться. Горьковато-соленый вкус стоял в горле, и я едва сдержала новый приступ кашля. Губы онемели и пылали, будто их отшлифовали наждачной бумагой. В глазах стояли предательские слезы. Каждый нерв, каждая клетка моего тела вибрировала, словно после удара током, напоминая о каждой секунде этого порочного унижения. И ведь мне некого было в этом упрекнуть кроме себя самой.

Что теперь будет? Вот он очнется окончательно, поймёт, кто я, и... Господи. Позовёт отца? Вышвырнет меня вон с криками и проклятиями? Расскажет всем за завтраком, как дочь его лучшего друга ночью пробиравалась в его спальню?

Мои мысли прервал его тяжелый, размеренный вздох. Потом – низкий, хриплый, довольный смешок, от которого по моей коже пробежали мурашки.

– Неплохо... – усмехнулся он, и его голос, густой от сна, заполнил тишину комнаты. – Для первой ночи в незнакомом месте... Даже очень неплохо.

Он не узнал. В полумраке, в дурмане алкоголя и недавнего пробуждения, он принял меня за кого-то другого. За одну из гостей наверно, которая решила скрасить скуку загородной свадьбы.

Острое, почти физическое облегчение смешалось с новой, еще более горькой волной стыда.

Я была для него никем. Просто безымянной телкой, оказавшейся в нужное время в нужном месте.

Я почувствовала, как его пальцы снова коснулись моих спутанных волос, но на этот раз уже без той властной, требовательной силы, а скорее с ленивой, почти небрежной нежностью, как гладят уснувшую кошку.

– Ложись, – скомандовал он, но уже не так резко, отодвигаясь к центру кровати и освобождая место рядом с собой простым движением могучего плеча. – Замерзнешь на полу.

Мозг закричал: «Беги! Иди сейчас же, пока он не опомнился!». Но мои ноги стали ватными, предательски тяжелыми. Адреналин, что все это время гнал меня вперед, иссяк, сменившись странной, тягучей апатией и душевной опустошенностью. Решила прилечь, чтобы не привлекать внимания и дожидаться, когда он уснёт, а потом сбежать. Про фото я уже и не думала. Выбраться бы.

Я медленно, как во сне, поднялась с колен и прилегла на самый край широкой кровати, стараясь занять как можно меньше места, превратиться в невидимку. Пружины мягко прогнулись под его весом. Он перевернулся на бок, лицом ко мне, и его ровное, теплое дыхание, пахнущее дорогим виски и мятой, коснулось моей щеки. От этого прикосновения всё внутри сжалось и замерло.

– Как тебя зовут-то? – лениво, уже почти во сне, пробормотал он, и его рука легла мне на бедро, тяжёлая и горячая.

Я замерла, чувствуя, как сердце проваливается куда-то в пятки. В голове пронеслись имена подруг, горничной, случайных девушек со свадьбы...

– Марина, – прошептала я первое имя, которое пришло в голову. Имя моей мачехи. Абсурдность и дикая ирония ситуации сдавили мне горло.

Он тихо хмыкнул, его грудь вибрировала рядом со мной.

– Красивое... Спи, Маришка. Стеснительная ты какая-то...

Его тяжелая рука легла мне на талию, властно притягивая к его раскаленному телу. Через секунду его дыхание стало ровным и глубоким. Он заснул.

А я лежала, застывшая, не смея пошевелиться, прижатая спиной к мощной груди друга моего отца. От него пахло потом, сексом, дорогим парфюмом и мужчиной – настоящим, взрослым, опасным. Этот запах кружил голову, вызывая возбуждение. Мне хоть и было двадцать. Но я ещё вот так не спала с мужчиной. Парни были и поцелуй и петтинг. Один даже пытался мне сделать куни, но мне было так мерзко, что дальше дело и не пошло.

Зато сегодня я получила незабываемый опыт, – мысленно усмехнулась я. – Оказывается минет не такая уж и противная вещь. Я прислушалась к дыханию Давида. Он дышал спокойно и размеренно, значит уснул. Пора было выбираться и бежать отсюда подальше. Мой телефон лежал где-то в ногах кровати, забытый и ненужный.

Обидно было что не смотря на мои приключения я всё равно проиграла. Я не сделала ни одного фото.

Я закрыла глаза, прислушиваясь к мощному, ровному стуку его сердца у себя за спиной.

Попыталась аккуратно приподнять его руку, лежащую на мне мертвым грузом. Мои пальцы едва коснулись его запястья, как он недовольно хмыкнул во сне и притянул меня еще ближе, прижав мою спину к своей груди так, что я едва могла дышать. Он забросил свою ногу поверх моих, полностью заключив меня в тепловую, невероятно прочную ловушку из мышц и кожи.

«Черт. Черт! Да ладно, просто надо подождать. Он не может так всю ночь пролежать. Должен же перевернуться».

Минуты тянулись, сливаясь в часы. Я считала его вдохи, следила за полоской лунного света на стене, которая медленно ползла вниз. Я продумывала план побега: как только он ослабит хватку – скатиться на пол, схватить телефон и бесшумно, как мышь, юркнуть в дверь.

Но Давид не собирался отпускать. Он лишь изредка бормотал что-то невнятное во сне, и его объятия становились то чуть слабее, давая ложную надежду, то снова сжимались, как стальные тиски. От его тепла, от мерного стука сердца у меня за спиной, от запаха его кожи мое тело начало предательски расслабляться.

Адреналин окончательно отступил, оставив после себя свинцовую, всепоглощающую усталость. Веки налились тяжестью, в мышцах появилась приятная истома.

«Пять минут, – договорилась я сама с собой. – Я просто полежу еще пять минут, пока он не повернется...»

Мысль оборвалась на половине. Я провалилась в глубокий сон без сновидений, где не было ни стыда, ни страха, ни дурацких пари. Только тепло и ощущение невероятной, абсолютной защищенности в объятиях этого сильного, опасного мужчины.

Я проспала до первых лучей солнца, пробивающихся сквозь щели в шторах. И когда мои глаза открылись, я поняла, что его рука все так же лежит на моей талии, а его дыхание по-прежнему ровно и горячо касается моего затылка. И я... мне не хотелось двигаться. Этот миг был таким сладким, таким обманчиво-мирным, что я закрыла глаза снова, желая продлить его еще на чуть-чуть. С трудом заставив себя прогнать эту накатившую нежность, я столкнула его руку с себя уже собиравшись встать.

– Куда ты красотка, – рука Давида снова притянула меня к себе.

Он перевернул меня на спину, его тело нависло над моим.

Его глаза резко сфокусировались на моём лице. Он замер.

– Кристина? – хрипло спросил он. – Это что, розыгрыш?

Его взгляд медленно скользнул по моему лицу, спутанным волосам, губам. А я беспомощно мотнула головой, не зная как объяснить, как оказалась в одной кровати с ним.

Глава 5

Тишина. Гулкая, давящая тишина, в которой слышен только стук собственного сердца. В висках пульсирует – то ли от вчерашнего виски, то ли от этого... абсолютного, беспросветного пиздеца. Кристина. Дочь Сергея. Лежит в моей постели. С перепуганными глазами дикого зверька и губами, которые выглядят так, будто...

Обрывки памяти всплывают, обжигающие и смутные. Горячее дыхание. Темнота. Чьи-то мягкие, шелковистые волосы в моих пальцах. Глухое, животное удовольствие. И... да. Очень старательный, хоть и неумелый рот. Я сжимаю веки, пытаюсь выловить из памяти черты лица, но ничего, кроме ощущений. И теперь эти ощущения обретают форму. Её форму.

«Сергей убьёт. Медленно, мучительно и с чистой совестью. А может кастрирует. И будет прав».

Заставляю себя дышать ровнее. Глубокий вдох. Выдох. Паника – не выход. Нужно понять масштаб катастрофы. Действовать как на переговорах – холодно, без эмоций.

– Сколько тебе лет? – мой голос звучит хрипло от сна. Надо отсечь самый страшный вариант.

Она смотрит на меня, широко раскрыв глаза – синие, огромные, охуенные.

– Д-двадцать, – выдыхает она, и её пальцы судорожно сжимают край простыни.

Внутри что-то отпускает. Облегчение. Совершеннолетняя. Уже хоть что-то. Сергей как-то упоминал, что дочь в универе учится. Значит, правда.

– Это я тебя в комнату привёл? – спрашиваю я следующий важный вопрос. Голос – сталь. Если да – мне полный пиздец. Значит, совсем отключился и не контролировал ситуацию. Не помню такого. Помню только, как свалился в кровать, едва ноги волоча. Перелт двенадцать часов и всики на голодный желудок сыграли со мной злую шутку.

Она мотает головой, и её каштановые волосы рассыпаются по подушке.

– Нет... Я сама.

Внутри снова похолодело, но уже по-другому. Окей. Значит, мозги ещё на месте были. Я бы не стал. Я принципиально не связываюсь с зелёными девочками. Им либо замуж охота, либо приключений, а потом – слёзы, истерики и горы проблем. А уж с дочерью друга... Это вообще за гранью добра и зла.

Скольжу по ней взглядом, оценивая ситуацию. Как лот на аукционе. Как угрозу. Девочка... Женщина. Чёрт возьми, красивая. Именно тот тип, что я всегда предпочитаю – хрупкая, с большими глазами, пухлыми губами, которые сейчас приоткрыты от страха. И грудь видно что есть. В моём вкусе. Слишком уж в моём вкусе. Только вот возраст... Серёга её лет в восемнадцать, наверное, сделал. Но я с женщинами младше тридцати не общаюсь. Правило у меня такое. А тут... Тут вообще...

«Серегина дочь. Ты совсем ебнулся, Давид? Серегина. Дочь».

Она лежит, не шелохнувшись, и смотрит на меня. Испуганно, но где-то глубоко в этом взгляде... нет, не отвращение. Смущение? Любопытство? Чёрт.

Медленно отстраняюсь, сажусь на край кровати, спиной к ней. Провожу рукой по лицу. Нужно думать. Нужно понять, что она здесь делает. И что делать теперь мне. Самое разумное – выпроводить её. Немедленно. Пока кто-то не увидел. Пока Сергей не хватился.

Но сначала – вопросы. Без эмоций. Только факты.

– Объясни, – поворачиваюсь к ней. Голос звучит ровно, почти бесстрастно. – Что ты здесь делаешь, Кристина? И с чего это ты... сама? – Последнее слово даётся с трудом.

Она молчит. Сглатывает. Глаза бегают по комнате, ищут спасения. Не найдёт.

«Говори, девочка. Я не люблю ждать».

– Я... мы... с подругами... – она запинаясь, голос срывается на фальцет. – Пари...

Пари. В голове щёлкает. Пьяные девичьи посиделки. Глупые споры. Вспоминаю их вчера в гостиной, хохочущую кучку, шипящее шампанское. И её взгляд на мне. Пристальный, оценивающий.

«Так вот в чём дело».

– Какое пари? – голос звучит тише, но твёрже. Я наклоняюсь к ней, опираюсь руками о спинку кровати по обе стороны от её головы, заключая в клетку. Её нежный запах бьёт в нос. – Говори. Быстро.

Она снова сглатывает, отводит взгляд.

– У кого... у кого из папиных друзей... самый большой...

Она не договаривает. Не надо. Всё понятно. Глупость. Детская, идиотская, опасная глупость. Во мне закипает ярость. Холодная, тихая. Не на неё. На всю эту ситуацию. На себя, что попал в эту мышиную возню.

– И ты выбрала меня? – спрашиваю я.

Она кивает, чуть заметно. Щёки пылают.

– И? – подталкиваю я её. – Узнала, что хотела?

Она снова кивает, уже почти незаметно. Смотрит куда-то мне в грудь.

Тишина. Я откидываюсь назад, давая ей пространство, которое тут же заполняет моё недоумение.

Что делать с этой информацией? Вынести её отсюда за шкуру и выбросить в коридор? Рассказать всё Сергею? Замять?

«Сергей». Мысль о друге отзывается холодком в животе. Он мне как брат. А я... я только что имел его дочь. Не совсем имел. В рот. Но это не смягчает мою вину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.